

«Я, как и Довлатов, выбрала
гостиницу «Дружба». Точнее, отель «Friendship»,
если верить табличке на дверях».

**В заповедник
«Пушкинские
Горы» лучше
ехать с
путеводителем.
Лучший
путеводитель –
это повесть
Сергея
Довлатова
«Заповедник»**

ПО ДОРОГЕ В ЛИТЕРАТУРУ

моск. новости 2003-8 дек - с. 28

Потенциальный дом-музей. «Главное, — сказал я, — вход отдельный»

Я еду в Пушкинские Горы той же дорогой, что и Довлатов — автобусом из Питера. Только не экскурсионным, а обычным рейсовым. «Там сейчас нет никакого симпатичного пейзажа, поэтому экскурсий пока не возим», — объяснили в питерских турфирмах. Кресла в рейсовом автобусе при некотором усилии откидываются, но зафиксироваться в таком положении не желают. Отчаявшись победить ручку сиденья самостоятельно, спрашиваю водителя, нельзя ли сделать что-то с креслами.

— Нельзя, — сурово и загадочно отвечает тот. — Испанский вариант.

Я смотрю на часы.

«В двенадцать подъехали к Луге». С этой фразы начинается довлатовский «Заповедник».

Цитаты из Пушкина, как мы помним из «Заповедника» Довлатова, встречаются в Пушкинских Горах на каждом шагу, написанные «славянской каллиграфией» на декоративных валунах. Цитаты из Довлатова встречаются еще чаще, причем ходят на двух ногах и совершенно не подозревают о том, что они цитаты.

— Где тут гостиница? — спросила я водителя.

— А тут их две, — ответил он, — хорошая и плохая.

Я сразу же простила ему и нефиксируемые кресла, и восемь часов дороги. Дальше, согласно тексту первоисточника, должен был последовать вопрос: «Вы какую предпочитаете?» Но водитель все испортил. Он сказал:

— Если нужно получше — то это в «Дружбу», а если подешевле — то на турбазу.

Я, как и Довлатов, выбрала гостиницу «Дружба». Точнее, отель «Friendship», если верить табличке на дверях. Все же кое-что со времен Довлатова здесь изменилось.

Десять лет назад умер легендарный директор заповедника Семен Гейченко. Четыре года назад убрали цепь с дуба, так раздражавшую студентов-структуралистов.

Год назад в одном из начальственных кабинетов повесили портрет Путина.

Ресторан «Лукоморье» остался на том же месте — на первом этаже гостиницы, но официантки предупредительны до невозможности, а весь пе-

речисленный в меню ассортимент на самом деле имеется в наличии. Хотя на протяжении двух дней я оставалась единственным клиентом.

Туристов вообще стало куда меньше, даже в сезон. Раньше в год приезжали тысяч 600 — 700, теперь в лучшем случае — 300. Зато сократившееся количество перешло в возросшее качество: профсоюзы уже не везут несчастных металлургов насильно приобщаться к прекрасному. Культурный уровень туристов легко проверяется реакцией на фамилию Кюхельбекер: не обязательно точно знать биографию пушкинского друга, достаточно не воспринимать фамилию как бранное слово.

Туристов поубавилось, зато журналистов за последние годы побывало больше чем когда-либо. Это, с одной стороны, конечно, естественно, с другой — противоестественно: писать про заповедник после Довлатова — все равно что взяться сочинять роман в стихах, энциклопедию русской жизни. С третьей стороны, ведь говорил же сам Довлатов, что в нравственном отношении даже попытка написать великий роман сама по себе заслуживает уважения.

У Довлатова в заповеднике все спрашивали, любит ли он Пушкина. Мне, когда я искала дорогу в Березино, понимающе подмигнул не то лесник, не то просто местный житель, занятый незаконной вырубкой леса:

— Довлатова небось ищешь?

Вся деревня Березино — десяток домов. Нужное мне строение я узнала сразу: «Крыша местами провалилась, оголив неровные темные балки. Стены были небрежно обиты фанерой. Треснувшие стекла — заклеены газетной бумагой. Из бесчисленных щелей торчала грязная пакля». Я бы с удовольствием написала даже, что «на фоне облаков чернела покосившаяся антенна», если бы до меня это уже не сделал Довлатов. И вход действительно отдельный.

Дом несколько лет назад купила пенсионерка из Москвы Вера Сергеевна, бывшая учительница русского языка. Не из мемориальных целей — просто давно хотела дачу в этих краях. Сам хозяин к тому времени умер, продажей занималась его жена Елизавета («Миша, ты любил свою жену? — Кому?! Жену-то? Бабу, в смыс-

ле? Лизку, значит? — всполошился Михаил Иванович»).

Вера Сергеевна озабочилась покупкой дачи вовремя — на нее уже положил глаз сосед справа, предприниматель из Питера. Он предлагал Лизавете десять миллионов (неденоминированных) за разрешение снести этот позор бульдозером, чтобы не портил вид из окна. Но Лиза почему-то уступила дом по вдвое меньшей цене Вере Сергеевне. К счастью для любителей аутентичности, на ремонт у новой хозяйки нет ни денег, ни сил. Не считая того, что через щели в полу к Вере Сергеевне

Место располагает

теперь заходят не собаки, а крысы, все остальное со времен Довлатова ничуть не изменилось. Так что в случае, если этот дом когда-нибудь станет домом-музеем, любознательные туристы смогут полюбоваться следующими личными вещами писателя: железной кроватью, деревянной табуреткой, покрытым плесенью шкафом, который нельзя выкинуть, потому что он подпирает проваливающуюся крышу, и обломком зеркала, найденным Верой Сергеевной на огороде.

Широко жил писатель Довлатов.

— Деревня наша Березино — а у него Сосново, хозяина на самом деле звали Иван Федоровичем, а у него Михаил Иванович, соседи вон там жили, у которых он молоко брал, — Савины, а в книжке Никитины, — рассказывает мне бывшая соседка Ивана Федоровича баба Катя, она же Екатерина Евдокимова, с трудом скрывая гордость от своей причаст-

ности к тайне. Впрочем, вы, поди, тоже гордились бы, когда узнали бы, к примеру, в герое «Евгения Онегина» Ленском своего соседа Туманского. Но про Туманского кто теперь помнит, а герои «Заповедника» — вот они, рядышком, затерявшиеся в непонятном пространстве между жизнью и литературой.

Душу бабы Кати особо греет одна литературоведческая догадка.

— Как-то шли мы с Иваном с колодца, и он мне говорит: «А ты знаешь, чем Сергей занимается? Книжки пишет! И я ему сказал: «Если ты писатель, так попробуй про меня написать». Я не поверила: ну что про нас писать-то? А Иван говорит: я не знаю, что писать, но вот-те крест во все пузо — Сергей мне пообещал, что он про меня напишет.

— Вот он и написал... — недобро усмехнулся муж бабы Кати Коля.

В Березино «Заповедник» привез прямо из Америки ближайший питерский друг Довлатова Андрей Арьев (баба Катя говорит об этом событии так, как евреи — о даровании Торы: «Приехал Андрюша, и мне был дан «Заповедник»). Ивану Федоровичу тоже был дан, тот прочитал и расстроился: опозорили его на всю Америку. Утешали всей деревней:

— Много ей дела, этой Америке, до того, сколько ты пьешь!

Главному герою довлатовской повести, экскурсоводу в «Заповеднике», если помните, не давался логичный переход из комнаты Зизи в гостиную — нужно было придумать связку. Герой связку в конце концов придумал: «Друзья мои! Здесь, я вижу, тесновато. Пройдемте в другой зал!»

Экскурсовод Александр Буковский, который работал в заповеднике вместе с Довлатовым, уверяет, что проблема эта несколько надуманная: — Начиная экскурсовод говорит все, что знает. Опытный — то, что

считает важным. А сверхопытный — только то, без чего нельзя обойтись. Так вот Довлатов, безусловно, очень быстро стал сверхопытным.

— Очень большой, добродушный, веселый — таким я его запомнил, — внимательно поглядывая на диктофон, рассказывает старейший экскурсовод заповедника Виктор Григорьевич, бывший преподаватель музыкальной школы, обладатель царской ордена. — А пьяным я его никогда не видел. Очень положительный был человек.

И снова смотрит на диктофон. У экскурсовода Елены Васильевны другое мнение. Она с Довлатовым в личном знакомстве не состояла, но была наслышана:

— Они ходили всегда втроем, шокирэ окружающих: самый высокий Довлатов, за ним Володя Герасимов (в книжке — Митрофанов) и третий Арьев. Я бы не сказала, что он был очень хорошим экскурсоводом. Он откровенно издевался над туристами,

о чем и написал в своей книжке. И многим нашим сотрудникам он в душу плюнул. Я понимаю, что это гротеск, художественное произведение... Но все же зачем так-то?

Елена Васильевна — очень хороший экскурсовод. На моих глазах ей удалось пробудить живое участие к судьбе имений поэта у группы сотрудников белорусского МВД, которые по дороге в Псков на совещание не сочли возможным проехать мимо могилы Пушкина. Прослушав краткую справку о том, какое влияние оказала на творчество гения псковская земля, они затем долго и вдумчиво расспрашивали экскурсовода о ходе боев в Пушкинских Горах во время войны.

На меня же Елена Николаевна все время экскурсии поглядывала как-то излишне внимательно, словно не решаясь задать какой-то вопрос.

Я подумала — может быть, она хотела спросить меня, люблю ли я Пушкина?

На Довлатова обиделись не только женщины-методисты. Фотограф Валера Карпов («Кто такой Марков? — Фотограф. Законченный пропойца») имени Довлатова слышать не может: расстроился по тем же причинам, что и Иван Федорович. Еще больше обиделась его жена («сварливая, как все без исключения жены алкоголиков»). Не зря, наверное, обиделась: Александр Буковский уверял меня, что на самом деле она милая и добрая женщина. Литература — опасное дело.

Бабе Кате в этом смысле проще — она в герои «Заповедника» не попала. Но идею создать музей Довлатова в бывшем доме Ивана Федоровича одобряет — «все нам веселее будет». Хотя и сомневается в осуществимости:

— Если всем таким писателям музеи создавать...

— Здесь, когда жил, никому был не нужен. А как в Америку уехал, так сразу нужен стал!.. — вздыхает дед Коля.

— Он, конечно, писал маленько так, что не все и печатали, проверяли сильно, — объясняет баба Катя.

— Да там и проверять особенно нечего! — не соглашается Николай. — Я бы не сказал, что он прямо гениальный писатель. Как с виду на него посмотреть — так скажешь, что он бомж, а не писатель, ей-богу!..

«Всем понятно, что у гения должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый — гений?!» (Сергей Довлатов, «Заповедник»).

Баба Катя снова вздохнула горестно, и я, не моргнув глазом, задала ей самый idiotский вопрос в своей жизни. Я спросила бабу Катю, нравится ли ей Довлатов.

**Анна РУДНИЦКАЯ,
спецкор «МН»
Пушкинские Горы — Москва**

8.12.03
Туман А.С.
написала!

223